

Конец шахтного туннеля преграждала железная дверь.

Не обычная железная дверь, а какой-то укрепленный барьер со множеством заплат и следов сварки.

На полотнище красной краской был намалеван символ: рука, поддерживающая языки пламени, которые по форме напоминали бьющееся сердце.

Силь остановилась перед дверью, крутанула косу в руке и постучала не лезвием, а рукоятью.

Ритм постукивания был размеренным, похожим на какой-то шифр. Три коротких, два длинных, снова три коротких.

Дверь приоткрылась, в щель выглянул настороженный глаз.

Проем расширилась, и Сэм увидела лицо мужчины средних лет с густой бородой. Надбровную дугу пересекал старый шрам, похожий на выползшую на кожу сороконожку.

— Силь, — хрипло произнес мужчина. — Опять кого-то притащила?

— Из Верхнего района, — Силь чуть подалась вбок, чтобы Сэм оказалась на свету, пробивавшемся из дверного проема. — Но... не похожа.

— Это еще что значит — не похожа?

— Это значит, — Силь замолчала, будто подбирая слова, — что она меня не боится.

Взгляд мужчины остановился на лице Сэм, оценивающий и проницательный.

Его глаза были темно-карими, как запечатанная в глубине земли руда — с грубой поверхностью, но хранящая внутри жар.

Сэм обратила внимание на его правую руку: двух пальцев не хватало, причем культы были ровными, словно их отсекло каким-то точным инструментом, а не оторвало грубой силой.

— Олег, — представился он. — Второй человек в Диком Огне... вроде того. Заходи, но без фокусов. Коса Силь остра, а мой ствол стреляет не хуже.

Дверь распахнулась полностью, и Сэм шагнула в убежище Дикого Огня.

Пространство оказалось куда больше, чем она предполагала.

Это была не одинокая пещера, а целый лабиринт помещений, прорубленный в заброшенных шахтных выработках.

Посреди главного зала стояла огромная плавильная печь. Огонь в ней уже погас, но остаточное тепло удерживало температуру воздуха градусов на десять выше, чем снаружи.

В окружающих каменных стенах было выдолблено бесчисленное множество каморок — точно пчелиные соты, муравейник или жилища существ, отчаянно борющихся за выживание на краю гибели.

Люди — в основном женщины, как заметила Сэм — сновали по проходам в тяжелой грубой одежде, с бледными лицами, выдающими их подземное происхождение.

Они задерживали на Сэм взгляды, полные любопытства, настороженности и какого-то подавленного, почти жадного исследовательского зуда.

— Доля женского населения, — Сэм вспомнила данные Вельта, — шестьдесят семь и три десятых процента.

Здесь эта цифра казалась ближе к восьмидесяти.

— Наташа в медпункте, — сказал Олег. — Силь, отведи ее туда. А я займусь... остальными делами.

Его взгляд скользнул вглубь убежища, откуда доносился глухой, ритмичный гул — стук молотов, звуки бурения, непрекращающийся тяжелый труд.

Выражение лица Силь неуловимо изменилось, и в воздухе на миг мелькнул синий остаточный след.

— Идем, — бросила она Сэм, шагая быстрее прежнего.

Медпункт представлял собой отдельное помещение, вырубленное в каменной стене, и оказался намного чище, чем ожидала Сэм.

Стены были покрыты какой-то белой краской, отражавшей свет керосиновой лампы.

В углублении ряды склянок и баночек, на этикетках которых значились непонятные для Сэм символы.

По центру стоял операционный стол, металлическая поверхность которого была вычищена до блеска и походила на искривленное зеркало.

Женщина стояла спиной к двери у операционного стола.

Она была выше Силь, с широкими плечами — в ее фигуре чувствовалась надежность человека, способного одновременно выносить и тяготы, и заботу.

Темно-зеленые волосы были собраны на затылке и заколоты металлической шпилькой, плоский кончик которой напоминал какое-то модернизированное медицинское приспособление.

Ее белые медицинские одежды были на редкость чистыми для подземья, лишь подол украшали буроватые пятна — то ли следы крови, то ли капли микстуры.

— Силь, — женщина не поворачивалась, голос ее звучал низко и ровно, напоминая течение подземной реки. — Кого ты привела?

— Человека из Верхнего района, — ответила Силь. — Но она говорит, что пришла с небес.

— С небес?

Женщина обернулась.

Лицо ее казалось моложе, чем голос: в уголках глаз не было морщин, но во взгляде читалось нечто выходящее за рамки возраста — словно перед тобой книга со свежей обложкой, но уже пожелтевшими от времени страницами.

Губы тронула улыбка — профессиональная, мягкая, стандартное выражение врача, встречающего пациента.

Но Сэм уловила скрытое противоречие.

На поясе висел стетоскоп, серебристая головка которого блестела в свете лампы, словно какое-то украшение.

А вот скальпель... Сэм заметила, как слегка оттопырился правый рукав женщины — под ним угадывались четкие контуры сложенного клинка, готового в любой момент соскользнуть в ладонь.

— Наташа, — представилась она. — Врач Дикого Огня. И... его глава.

— Разве глава не Олег? — удивилась Сэм.

— Олег отвечает за внешние дела, — улыбка Наташи не дрогнула. — А я за внутренние. У нас разделение труда.

Она шагнула к Сэм с нарочитой, неторопливой врачебной грацией.

Когда расстояние сократилось до вытянутой руки, Сэм ощутила исходящий от нее запах: антисептик, травы и нечто более глубокое и горькое.

— Протяни руку, — попросила Наташа. — Дай мне проверить твой пульс.

Сэм подчинилась.

Пальцы Наташи легли на ее запястье.

Кожа оказалась теплой и сухой, подушечки пальцев были покрыты легкими мозолями — не от рукояти скальпеля, а от каких-то более долгих и кропотливых манипуляций.

Сэм заметила, что ее ногти острижены очень коротко, края аккуратно скруглены — идеальное состояние для непрерывной ювелирной работы.

— Пульс участился, — констатировала Наташа. — Но ритм стабильный. Температура... — ее рука переместилась на лоб Сэм. — В норме. У тебя нет характерных для жителей подземья признаков адаптации к холоду.

— Я только что с небес.

— С небес, — повторила Наташа, и ее взгляд на мгновение встретился со взглядом Силь. — Звёздный экспресс. Я слышала о нем. Легендарные посланники Освобождения, странствующие меж звезд и устранившие бедствия Звёздных ядер.

— Ты слышала?

— У Дикого Огня есть своя сеть осведомителей, — Наташа отняла руку, и в этом движении

вновь на миг мелькнули очертания скрытого в рукаве скальпеля. — К тому же, кое-какие... «друзья» из Верхнего района порой передают весточки.

В слове «друзья» прозвучал особый акцент — словно за ним скрывался пароль, намек, понятный лишь посвященным.

Силь вздрогнула, и синий остаточный след качнулся в воздухе, как потревоженная гладь воды.

— Что с ней делать? — спросила Силь.

— Пусть пока поживет здесь, — ответила Наташа. — Пока мы не выясним, кто она. Силь, ты отвечаешь за... присмотр.

— Присмотр или слежку?

— А есть разница?

Уголки губ Силь дернулись — так выражается невольное соглашение человека, загнанного в угол.

Она повернулась и зашагала к выходу, короткие синие волосы вспыхнули в свете лампы подобием сжатого пламени.

— За мной, — бросила она. — Твое... жилье.

«Жильем» оказалась крошечная комната на окраине убежища.

Еще меньше и сырее, чем медпункт; по каменным стенам сочились капли влаги, образуя на полу тонкие ручейки.

Каменная койка, застланная грубым одеялом.

Керосиновая лампа с обуглившимся фитилем.

Никаких окон, лишь грубо сколоченная из досок дверь с такой широкой щелью, что туда спокойно пролез бы палец.

Сэм присела на каменное ложе, прислушиваясь к приглушенным шагам за дверью.

Силь прошла туда и обратно трижды, после чего замерла неподалеку, превратившись в неподвижное изваяние.

Домашний арест.

Сэм прекрасно понимала значение этого слова.

Но ее мысли занимало совсем другое.

Бейсбольная бита в ее руке слегка нагрелась.

Пульсация двух отметин породила новый резонанс с подземной средой: ледяная метка вела себя активнее цифровой, как рыба, вернувшаяся в родные воды.

Сэм вспомнила те синие следы-призраки и эмоции, хлынувшие при соприкосновении с ними: гнев, одиночество, жажду защищать.

Если все это было «эмоциональным остатком», то что именно впитывала сейчас ее бита?

Она ждала долго.

Пока шаги за дверью не стихли, пока гул убежища не утих, превратившись в глухой, размеренный фон, похожий на дыхание.

Тогда она поднялась, положила бейсбольную битку плашмя на ладонь, словно измерительный прибор.

Легкий удар о пол.

Без силы, лишь мягкий, ритмичный стук.

Три раза, как удары сердца.

В тот момент, когда металл соприкоснулся с камнем, ледяная метка слабо вспыхнула, и сквозь ее прозрачные прожилки проступило бледно-голубое сияние, растекаясь по полу подобно капле чернил, упавшей в чистую воду.

Рябь.

Не физическая рябь — тончайшая, похожая на тепловизионное излучение волна.

Она исходила от бейсбольной биты, расходясь во все стороны, пронизывая каменные стены, дверные полотна и весь лабиринт убежища.

Сэм закрыла глаза и «увидела»...

Цвета.

Цвет Наташи.

Темно-фиолетовый.

Не однотонный, а многослойный, словно гроззовые тучи в сумерках.

Самый внешний слой — мягкий, почти лавандовый, как улыбка врача и невозмутимость главы.

Глубже залегал более насыщенный, спелого винограда оттенок, пропитанный подавленными, зреющими чувствами.

А в самом сердце — Сэм едва осмеливалась коснуться его — таился почти черный, похожий на запекшуюся кровь глубокий пурпур: печальный, нежный, словно бесконечно напеваемая, но так и не услышанная колыбельная.

Сэм свернула волну, ее дыхание слегка участилось.

Она снова постучала о пол, изменив частоту, заставив волну распространиться в другую сторону.

Цвет Олега.

Оранжево-красный.

Не пламенный, а более тяжелый, напоминающий угли в догорающей печи.

Снаружи он казался открытым, ярким, обжигающим, как крепкое спиртное, но в самом центре крылся темно-красный, покорный неминуемому угасанию мрак затухающих углей.

Этот цвет кричал: долг, долг, долг. Сгореть дотла, чтобы согреть других, пока не останется пепел.

Пальцы Сэм чуть подрагивали.

Третий удар.

Она направила волну к двери...

Ледяной голубой.

Цвет Силь.

Совсем не тот холодный, отталкивающий оттенок, который она воображала.

Гораздо сложнее — синева горячих источников в глубинах океана.

Поверхность казалась острой, зябкой, подобной лезвию косы, с пронзительной настороженностью.

Глубже струился глубокий синий оттенок Моря Квантов, где бушевало одиночество, взбиваемое приливами о рифы.

А в самой глубине — у Сэм на мгновение пропустило удар сердце — сиял теплый, укрытый в раковине перламутровой жемчужины нежно-голубой свет: одержимость защищать, клятва оберегать, невысказанное обещание кому-то, чей образ и имя запятаны глубоко внутри.

Сэм открыла глаза.

Пламя керосиновой лампы трепетало, отбрасывая на стены причудливые тени.

Она опустила взгляд на битую: свечение ледяной метки угасало, как отхлынувшая волна на песчаном берегу.

Ладони вспотели, сердце колотилось чаще обычного — не от страха, а от чего-то куда более близкого к... умилению.

— Ты что делаешь?

Голос раздался от двери.

Сэм подняла голову и увидела Силь, замершую в дверном проеме.

Лунный свет — нет, фосфоресцентное сияние подземных мхов — падал ей со спины, превращая силуэт в четкий темный контур.

В руке она держала косу, но лезвие было опущено к полу, выражая не столько угрозу, сколько сдержанную бдительность.

— Измеряю температуру? — предположила Сэм.

— Бейсбольной битой?

— Градусник системы Дикого Огня, — Сэм приподняла оружие. — Рекомендую. Новейшая разработка: измеряет эмоциональную температуру, считывает психологические колебания и еще...

— И еще что?

— И еще позволяет понять, — Сэм сделала паузу, — что кое-кто ужасно добрый, но изо всех сил притворяется злым.

Губы Силь дернулись.

Это была первая улыбка, которую Сэм увидела на ее лице.

Не настоящая улыбка — скорее судорога сдерживаемого человека, пружина которого доведена до предела.

ее синие глаза блестели в фосфоресцентном свете, как две растревоженные звезды.

— Заткнись, — бросила Силь, но на этот раз ее голос звучал мягче, чем прежде.

— Я измерила твою температуру, — продолжила Сэм. — Ледяной синий. Снаружи холодно, внутри тепло. Прямо как...

— Как что?

— Как подземный горячий источник.

Уголки губ Силь дернулись снова.

На этот раз заметнее — словно лед, сковывавший ее годами, наконец начал таять.

Ее рука сама собой потянулась к груди, к скрытому под одеждой контуру — то ли значку, то ли кулону, то ли чьему-то заветному подарку.

— Ты меня не боишься, — в голосе Силь не было вопроса. — Ты и правда ни капли не боишься.

— В твоём цвете нет злобы, — ответила Сэм. — Только защита. Защита дорогих людей, защита Дикого Огня, защита...

Она не договорила.

Потому что аура Силь резко лхнула, как потревоженная гладь воды, и самая глубокая нежно-голубая нота ярко вспыхнула, вторя учащенному сердцебиению.

— Разве у людей... из Верхнего района, — голос Силь упал почти до шепота, будто она говорила с самой собой, — тоже есть что-то дорогое?

— Я не из Верхнего района, — возразила Сэм. — Я с небес. Звёздный экспресс. Освоение.

— Освоение чего?

— Понятия не имею, — честно призналась Сэм. — Но я ищу ответы. Ищу себя. Ищу... узы.

— Узы, — повторила Силь, словно пробуя на вкус незнакомый фрукт.

— Как между тобой и тем дорогим человеком, — пояснила Сэм. — Как бабочка, способная перелететь через любую стену.

Сира синяя аура качнулась еще раз и тут же резко схлопнулась, словно захлопнутая с силой заслонка.

Выражение ее лица вновь стало холодным, губы вытянулись в нитку, а блеск в глазах ушел на самую глубину.

— Спи, — приказала она. — Завтра Наташа будет допрашивать тебя по-настоящему.

— Ты будешь там?

— ...Буду.

— Тогда я смогу снова измерить твою температуру?

Губы Силь снова дрогнули.

На этот раз Сэм была уверена: это пробивающийся сквозь весенний лед росток улыбки.

— Заткнись.

Дверь закрылась, но щель осталась шире прежнего — молчаливое, нехотя вырванное согласие, словно приоткрытая створка чьего-то сердца.

Сэм легла на каменное ложе, положив бейсбольную биту на грудь.

Обе метки мерцали в темноте по очереди, напоминая пару звезд, обучающихся вести диалог.

В памяти всплывали глубокий фиолетовый оттенок Наташи, оранжево-красный Олега и ледяной синий Силь — три цвета, три температуры, три света, подавляемых подземным мраком, но так и не погасших.

Градусник Дикого Огня.

Мысленно повторив это название, она тронула губы легкой улыбкой.

В недоступном для понимания измерении проступила новая цепочка символов:

****[Глава 8 завершена]****

****[Разблокировано достижение: Эмоциональный спектр — Уровень 1]****

****[Анонс следующей главы: Отчет о темной материи Верхнего района]****

Сэм моргнула.

Символы исчезли.

Но она знала: некто продолжает вести запись.

Не Хэйта, не Наташа и никто из знакомых ей существ.

Кто-то более далекий, насмешливый и бесконечно «радостный».

И на этот раз она улыбнулась угадывавшемуся за дверной щелью синему силуэту, словно обращаясь к тому, кто только учится улыбаться:

— А твоя бабочка очень красивая.

За дверью шаги Силь на мгновение замерли.

А затем растворились вдали, словно унесенная ветром недопетая песня.

<http://bllate.org/book/19707/1938010>